

Публикуются на сайте с разрешения правообладателя.

«Люби Россию в непогоду» (2006) Публицистика (М., Вагриус, 2006)

Борис Васильев

ФЛЕГМАТИЗИРОВАННЫЙ ПОРОХ

Вот уже сколько недель кряду все столичные газеты упоенно разрабатывают одну и ту же фабулу, разворачивая ее в различных, но непременно ужасающих сюжетах. Стремление перещегоолять друг друга в сочинении газетного сериала банковских страстей уже переросло в иное качество и, судяется мне, ныне способно породить совсем не тот эффект, на который рассчитывали авторы. Сужу по собственному впечатлению, никоим образом не претендуя на абсолютную истину.

Я запутался в безграничных способностях наших уважаемых экономистов создавать варианты. До сей поры я склонен был считать экономику наукой строгой, бесстрастной и академически суховатой, но ее неисчерпаемая вариантоспособность поколебала мое дилетантское представление. На подобное способно только искусство, а коли так, то и претензии к авторам дефолта (так, кажется?) датированного 17-м августа сего года, с моей точки зрения, должны изменить знак восклицательный на знак вопросительный, а обличительную тональность рецензий заменить на тональность исследовательскую, дабы разъяснить нам, что же все-таки они видели в перспективе. Мне не хочется играть в азартные игры прошлого. В заговоры, в коварство невидимых врагов, в происки империалистов, масонов и прочая, и прочая. Карты подобных игр - всегда крапленые, а посему - люди, будьте бдительны: кому-то очень выгодна эта неприлично крикливая кампания. Похожей тропкой над пропастью нас уже неоднократно водили и всегда, заметьте, с завязанными глазами.

Не хочу обижать телевидение, но, как говорится, куда конь с копытом, туда и рак с клешней. Все - даже самые доверительные - беседы по телевидению воспринимаются на слух, тогда как газетные публикации - глазами. Мы и свои-то, семейные бюджеты строить еще не научились, потому как три четверти века жили от получки до получки, а вы нам толкуете о бюджете страны, при этом, беспрестанно пересыпая речь терминами, которых мы, ну никак не в состоянии понять, а времени заглянуть в словарь нет, поскольку это же - не газета. А если припомнить, что девяносто процентов россиян держат в банках отнюдь не деньги, а - соль, чтобы не отсырела она в нетопленных квартирах, то ничего от подобных бесед в душах наших не оседает, кроме горькой констатации: "опять не про нас".

Количество финансово-экономических бесед, интервью, споров и разговоров явно превысило как знания, так и умственные способности телеви-

онной аудитории. Телезрителю настолько запутались в путях выхода из кризиса, в спорах о приоритетах инфляционной банковской политики перед монетарной, что порою начинают возникать мысли странноватые: "если звезды зажигают, значит, это кому-то нужно", а уж если гасят, то само собой разумеется. Если издать все экономические пересуды, прозвучавшие с телеэкрана, отдельной книгой, вышел бы том никак не меньше "Капитала". С той, правда, разницей, что Маркс пытался разъяснить, а вы, господа специалисты, окончательно запутать.

Любопытен и набор слов, которым чаще всего пользовались все это время. Вот некоторые из них; "пирамида", "кинули", "инфляция", "крах". Если их сложить вместе, а потом извлечь корень, то в результате получим - "Караул!". Неужто вы этого и хотели, владыки средств массовой информации?..

К счастью, не только звону, что в Москве. Звонят и за ее пределами, но звон там иной тональности по той причине, что Столица и Усадьба, условно говоря, уже сложились, как две разных социальных системы. Как два потока - турбулентный и ламинарный - текущих пока еще в одну сторону. Пока, подчеркиваю. Потому что ламинарное течение можно полагать и потоком просто по инерции.

Оно и понятно. Уездная провинция наша, где обитает более трети населения России, никаких ГКО не приобретала ни с целью вложения денег, ни тем паче ради спекулятивной игры на биржевых торгах. Нет у ее жителей никаких капиталов. Долги есть и, слава Богу, картошка на зиму, так что "караул" кричать ей не с чего.

Другие у ее обитателей проблемы, нежели в Первопрестольной. Куда более простые, заземленные, а потому и более человеческие. Ну, посуетились, не разобравшись спервоначалу, закупили соли да спичек: на большее денег не нашлось. Ну, в огороды ринулись, пока тепло, картошку в погреба заложили, по окрестным лесам погуляли. Будто по грибы, но – с топориком: леса наши давным-давно никто не охраняет, дров на десять зим хватит, если не поленишься. Притащили домой, покололи и - ухмыляются: "Ничего, перезимуем!" Их, признаться, слухи о водочной монополии куда больше насторожили, чем перипетии борьбы монетаристов с инфляционниками, но и тут они быстро успокоились, вспомнив о десятилетиями отработанной формуле: "Пили, пьем и будем пить". Правда, рассказывали мне, будто бомжи от тех слухов встревожились куда основательнее, поскольку монополия на спиртное могла серьезно подорвать их основную валютную базу - порожнюю водочную и пивную посуду, которую гордо оставляют после пикников заезжие прожигатели жизни. Но когда сообразили, что "Пить или не пить" для России вопрос совсем не Гамлетовский, то и вздохнули с облегчением.

В уездной нашей провинции господствует отнюдь не рынок, а его степенство русский базар, почему столичные потрясения его особо и не трогают. На базаре свои, тысячелетиями сложившиеся законы, и одиноких бабок с

пучком редиски никто, как правило, здесь не гоняет. А в Москве, не устающей талдычить о правах граждан, эту несчастную бабушку выталкивают из рядов взащей, как выталкивали, штрафовали и гоняли еще в приснопамятные застойные времена. Тогда она олицетворяла собою проклятый буржуазный рынок с его звериной конкуренцией, а сегодня что она олицетворяет? Да, видать, все ту же конкуренцию, поскольку ее пучок лука заведомо дешевле такого же пучка, привезенного из Азербайджана. Вот тому луку - честь и место, а выращенному на подмосковной грядке собрату его - штраф и грозные милицейские очи. Любопытно, кто ввел эти правила игры?

Нет, что ни говорите, а демократия в провинции утверждается низами, а совсем не очередным Указом Президента или его речью. И ростки этой демократии зеленеют из года в год, несмотря на снежные бураны экономических и политических катаклизмов. Потому-то провинциалы и усмеваются, глядя на столичную суету. А мы в ответ ахаем и охаем, пугая телезрителей очередными "специальными репортажами": ох, - пьют, ах, - воруют, эх, - работать негде!..

Да, с работой там трудно, зато никто не мешает вкалывать на двух, а то и на трех работах, если побегать и поискать. И бегают, и находят: лично знаю и дружу не с одним таким тружеником. Тяжело, а семьи кто кормить будет? Не козы в доме, газетами не прокормишь.

Но, конечно, пьют. Стащат, что плохо лежит. Как бы там ни было, но в каждом дворе соседствующего со мной совхоза - либо машина, либо, на худой конец - мотоцикл. И дети их одеты, и жены - принаряжены. Наворовали? Возможно, поскольку мародерство в России давно уже не грех, а способ существования. Эффект этого явления вполне нагляден: у кого - счет в закордонном банке, у кого - трехэтажная вилла, а у кого - потрепанная иномарка.

Если чего и побаивается наша провинция, так это маниакального стремления властей ликвидировать челночный бизнес не мытьем, так катаньем. А ведь именно челноки снабжают толкучки дешевой одеждой и обувью. Если рухнет этот промысел, без работы останется наиболее инициативная часть провинциальной интеллигенции. Безработные учителя, переводчики, инженеры, библиотечные и музейные работники. А что выиграет государство? Как всегда - галочку в отчете вышестоящим инстанциям.

А проиграет в очень и очень многом. И не только в том, что лишит массу людей, еле-еле сводящих концы с концами, одежды и обуви по карману. И даже не в том, что резко увеличит безработицу. Нет, подобное драконово решение разрушит устоявшееся шаткое равновесие меж столицей и усадьбой, основанное на разграничении полномочий: "Наше дело - что нам делать? Ваше дело - как нам быть?" Вот это может привести к совершенно непредсказуемым последствиям, потому что такое равновесие обеспечивает выживание, а, следовательно, и пресловутое долготерпение русского народа, поскольку государство до сей поры так и не ответило на вопрос "Как нам быть?"

Только существует ли оно, это самое долготерпение? Сдается мне, что это - такая же выдумка, как и часто поминаемые "Потемкинские деревни". Ну, не строил Григорий Александрович никаких выставочных павильонов для Государыни-Матушки, не в тех они были отношениях: и он - не секретарь Обкома, и она - не Генсек. Но запустил австрийский посланник "утку" и гуляет она до сей поры. В Европе, кстати, целая стая "уток" гуляет о нашем народе, и "великое терпение" - одна из самых шустрых. Видимо, лень им заглянуть в хронологические таблицы. Заглянем?

17-й век - одиннадцать бунтов и восстаний. И одна Крестьянская война.

18-й " - десять.

19-й " - десять. И еще одна Крестьянская война.

20-й " - и говорить не приходится.

Да, был когда-то порох в народных пороховницах, был и частенько взрывался. Только за последние три четверти века этот порох превратился в порох флегматизированный. И флегматизация его - целиком на совести коммунистического правления. Но совесть - явление нравственное, о чем мы и поговорим ниже.

Благополучные европейцы перепутали наш талант выживать в невыносимых условиях с народным терпением и выдали его за черту национального характера. А выживать нас история с географией обучили. И до сей поры, хорошо, если треть национального дохода остается на борьбу с холодом: куда как больше исчезает в бездонных карманах бурмистров, жирующих на дряхлеющем теле государства Российского. А ведь у нас и фундаменты зданий должны быть глубже, и стены толще, и топить приходится восемь месяцев в году, и одеваться куда теплее, чем шведам с норвежцами, и питание нам требуется более калорийное и обильное, и витамины...

Но ничего этого в достатке никогда не было, а сейчас - тем более, и мы вынуждены обходиться, в основном, тем, что подсказывает нам от предков унаследованный талант выживания, поскольку терпение и не кормит, и не греет.

Кстати, Даль говорил, что "в терпении является сила и величие духа", и что "терпение есть признак кротости, смирения и снисхождения". Однако все эти симпатичные качества - из области народной нравственности, но никак не из системы выживания, идеально отшлифованной еще при советской власти. А что касается нравственности, так и само это слово стало анахронизмом, напрочь исчезнув из речей, комментариев, статей и всех телепрограмм. Вместо него все настойчивее, все громче звучит слово "духовность", но подобная замена не представляется мне адекватной. Отставной генерал Макашов, ярый приверженец приоритета духовности над почившей в бозе нравственностью, служит тому бесспорным примером: даже Генеральная Прокуратура наконец-то восчувствовала принципиальную разницу меж эти-

ми этическими понятиями. Однако я сомневаюсь, что преисполненная "особой духовности", Дума наша способна совершить нравственный подвиг, лишив бравого националиста депутатской неприкосновенности, чтобы другим было неповадно. Ну, да Бог с ним, поразмышляем о принципиальных причинах неадекватности замены, произошедшей буквально на наших глазах.

Начнем с того, что, духовность, во-первых - понятие сугубо индивидуальное, личное, тогда как нравственность - общечеловеческое, а во-вторых, нравственность подразумевает, прежде всего, внутреннюю законовостребованность, а что подразумевает духовность? Личную истовость, послушность Церкви и вождям?

Полистаем "Академический Словарь русского языка".

ДУХОВНОСТЬ - духовная, интеллектуальная природа, сущность человека, противопоставляемая его физической, телесной сущности.

НРАВСТВЕННОСТЬ - 1. Совокупность норм поведения человека в каком-либо обществе. 2. Моральные качества человека.

Нравственность включает в себя понятие духовности, но никак не наоборот: не по этой ли причине и произошла у нас подмена терминологических определений? Суть в том, что при этой подмене многие общественные и гражданские представления оказались за бортом духовности, почему и потребовали специального и особо громкого объявления своего присутствия, так сказать, открытым текстом. Таковое, к примеру, случилось с одной из весьма существенных нравственных норм поведения человека аж по отношению к государству - с понятием патриотизма. Ну, никак это чувство не влезало в сугубо личностную, индивидуальную духовность, почему и пришлось взять его, так сказать, наперевес. Как штык на параде. И на грязном фоне бесконечного вранья и воровства, убийств и насилий, коррупции и мздоимства, ярого национализма, социального экстремизма и религиозного фанатизма возник некий Союз патриотических сил, куда может записаться любой желающий. Помнится, в июне 41-го года стояли в очередях, чтобы записаться в Действующую армию, но никто, ни один человек в тех молчаливых очередях не называл себя патриотом. Он хотел помочь Отечеству своему в трудную годину. И стоял в длинной очереди таких же молчаливых, как и он. А очередь двигалась медленно, даже есть захотелось...

Н-да. Тогда терпения потребовалось много. На одну тысячу четыреста восемнадцать дней и ночей ровнехонько. Но мы так ждали победы, что терпения нам хватило.

Терпение необходимо тогда, когда есть цель, есть, чего ждать. А нам чего ждать? Второго пришествия коммунистов?

И еще одно соображение по поводу лихой кавалерийской атаки на общечеловеческие гуманитарные ценности. Русские Летописи никогда не употребляли слова "патриотизм" совсем не потому, что оно - не из русского

лексикона. Нет, они использовали для той же цели куда более емкое и куда более нравственное понятие - "Долг". Да и не только русские летописи.

В 1805-м году английский адмирал Нельсон наголову разгромил наполеоновский флот в сражении при Трафальгаре. Перед боем он отдал лаконичный приказ: "Пусть каждый исполнит свой долг". И его соратники исполнили свой долг, а лорд Горацио Нельсон получил смертельное ранение. С той поры все военные моряки носят на своей форме знак траура в честь великого адмирала. Черный помпон на беретах или черную ленточку на бескозырках, черный бант или черный галстук. Человечество чтит не горлохватов, а людей, до конца исполняющих святой долг свой перед родиной.

Я столь много говорю о нравственности, потому что убежден, что все наши беды мы получили в обмен на ее утрату. Правовые, экономические, политические и - главное - социальные. И вот уже семь лет упорно строим ханскую ставку вместо того, чтобы заложить хотя бы основы государства для всех его подданных. Государства ради людей. Ради их благополучия, безопасности, активной жизни, осмысленного труда. Наш народ заслужил это, мечтал об этом, надеялся и готов был ждать и работать, работать и ждать, если бы удосужились хотя бы заложить фундамент. Вот тогда бы можно было бы и о терпении его поговорить.

Чертежи подобного государства изложены в общечеловеческой нравственности. В одном слове: УВАЖЕНИЕ. Уважение к мужчинам и женщинам, детям и старикам, здоровым и больным, военным и невоенным, русским и нерусским, религиозным и атеистам, рыжим, черным, белым, курносым, горбоносим - ко всем, ко всем без исключения. Все ныне процветающие страны опирались на это ключевое слово как раз в то время, когда мы опирались на атомную мощь. Вот почему сегодня вместо терпения мы получили полное равнодушие, вполне адекватное равнодушию всех властных ветвей.

Слепым поводырям следует расспрашивать о дороге, а не нащупывать ее в нравственной мгле собственных душ. Каким словом обозначить это стоическое блуждание во тьме, одному Богу ведомо. Только термин "терпение" здесь не подходит, потому как речь идет не о материальном, а о духовном, не о куске хлеба, а об обидах - характера нравственного. Позволю себе одно личное воспоминание.

В 46-м году наш академический курс поехал в Ленинград на Кировский завод, выпускавший тяжелые самоходки с пушкой калибра 152 мм. Мы с женой были молодоженами, имели в хозяйстве две тарелки да две ложки, а магазины Ленинграда оказались заваленными посудой из странной пластмассы. Стоила она дешево, мы купили вазочек да салатниц, с чем и прибыли в Москву.

- Флегматизированный порох, - сказал мой отец, повертев в руках наши приобретения. - Первая мирная продукция.

- Он не взрывается?

- Если скопится много, может и рвануть.

Так вот, мы - флегматизированный порох до поры, до времени. А по-сему необходимо всегда держать в уме, что же именно способно вывести нас из состояния - нет, не флегмы, она нам не свойственна, а - душевного равновесия. Что удерживает порох от взрыва?

Прежде всего - впитанный с молоком матери страх, как форма памяти о беспощадности властей. Все волнения, восстания и бунты прошлого подавлялись с такой варварской жестокостью, какая и в страшном сне не могла присниться просвещенной Европе: знающие историю припомнят хотя бы публичную казнь стрельцов на Красной площади, почему в Москве никогда и не ставили памятников Петру Великому. А не знающие, - поднатужившись, вспомнят хотя бы октябрь 93-го года. И все, все прочно закреплено в наших генах: Антоновский и Крондштадтский мятежи, раскулачивание, Гулаговский озверелый террор, расстрел в Новочеркасске. И это - на памяти трех поколений: потолкуйте со своими дедами да бабками.

Всем уж ясно, что ныне пребываем мы в некоем межеумочном состоянии: уже не больны, но еще не здоровы, уже подкосились ноги, но тело еще не грянулось оземь, уже судорожно прикидываем, насколько хватит не с жиру скопленных денег, но еще вроде бы голод и холод не ломаются во все дома без разбору, но слезы еще не закапали с жалких сосулек нашего национального таланта не унывать. Еще поднаторевшие в обещаниях думцы наши витийствуют с прежним велеречивым пафосом, еще власти многозначительно на что-то намекают или столь же многозначительно помалкивают. Долог русский час. Дольше всех иных часов. Швейцарских, японских, американских...

В таковой прострации отчаиваться еще рано, но работать уже затруднительно. В провале меж здоровьем и хворью исконный житель России привык лечиться домашними средствами: чаем вприглядку, банькой с веничком да рюмочкой под грибок (благо, столько их в этом году высыпало, что аж оторопь берет: к чему бы тихая радость сия?..). И аз грешен: прибегаю к тем же лекарствам, а потом эдак обессиленно завалился на часок. Сперва, как водится, повздыхал немного, после чего впал в дремоту, в коей и привиделся мне "Сборник русских пословиц и поговорок" Владимира Ивановича Даля. И будто бы листаю я его и... и читаю. Внутренним взором читаю, но вполне отчетливо и разумно.

"СЕЯЛИ РОЖЬ, А ЕДИМ ЛЕБЕДУ"...

Точно предки наши своим внукам поддых врезали. Семь лет, на весь мир пыхом пыхтя, что-то обещающе сытное сеяли, а на зубах - лебеда лебедой. Да оно и понятно, коли "НА КАЖДОГО ПАХАРЯ ПО СЕМЬ АХАЛЕЙ".

Семь - в Думе, семь - в Правительстве, семь - в Президентской конторе. А сколько же их еще в разного рода Администрациях, Комиссиях, Комитетах, Органах и прочая, прочая, прочая! Семь по семь да еще на семь.

И все они "СЕМЬ ЛЕТ НА ОДНОЙ ДУДКЕ ПОБУДКУ ИГРАЮТ". И звучит она в переводе с барабанного боя на всем доступный язык следующим образом: "ЭТОТ ИЗЪЯН РАЗЛОЖИТЬ НА КРЕСТЬЯН".

Утешают: зато, рынок, ребята! Так ведь, как предки говаривали, "ПЛОХ ТОТ РЫНОК, КОЛЬ ХЛЕБА КУПИТЬ НЕ НА ЧТО". Опять утешают: свобода слова. Правду-матку все СМИ ежедневно режут, аж кровь из телеэкранов брызжет. Спасибо, благодетели вы наши, это верно. "ПРАВДЫ - ДЕВАТЬ НЕКУДА. ГОЛОВЫ ЛОМАЕМ, ТО ЛИ ВПРОК СОЛИТЬ, ТО ЛИ ДЛЯ ВНУКОВ СУШИТЬ". Минуточку, минуточку, а полная свобода передвижения? Организуйте товарищества хоть с ответственностью, хоть без всякой ответственности и – за товаром в любую сторону. Деньги – товар - деньги, побольше инициативы. Так-то оно так, только ведь "ЗА МОРЕМ Телушка - ПОЛУШКА, ДА РУПЬ ПЕРЕВОЗ СТОИТ".

Да, незрелый народ вам достался, господа бурмистры. Все сплошь лесу просят избенку починить, а барин все не едет, и рассудить некому. И предки зарок оставили: "НЕ СИЛЕН - НЕ БОРИСЬ, НЕ БОГАТ - НЕ СУДИСЬ". Так с петельки на пуговку и перебиваемся. Восьмая зима на носу, восьмая и хмурь на народном лице, и праздники не помогают. Как известно, "ВЕСЕЛОГО ПРАВА УКАЗОМ НЕ СДЕЛАЕШЬ", а "В ХОЛЕРНЫЙ ГОД И ЛЯГУШКИ НЕ КВАКАЮТ".

Вот сколь трезво оценивал положение в собственной стране подданный России порою и на хмельную голову. А обстановка случалась и похлеще сегодняшней, поскольку в истории нашей сладкие и соленые начинки следовали друг за другом куда как затейливей, нежели в знаменитых Тестовских пирогах. Однако предок наш стоически переживал эти перемены, что и породило в немецких головах успокоительную теорию относительно Великого терпения русского народа. Дескать, все прочие европейцы за каменья хватаются при куда более наваристых семейных кастрюлях и сносят свои Бастилии в считанные часы одного единственного дня.